

РЕЦЕНЗИИ

Reconstructing languages and cultures / Ed. by Polome E., Winter W. (Trends in linguistics: Studies and monographs 58). B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1992. 562 p.

Очередной том известной серии "Trends in linguistics" основан на материале советско-американского симпозиума, состоявшегося в ноябре 1986 г. в г. Остин (Техас) и приуроченного к уходу на пенсию У.Ф. Лемана (участники с советской стороны – Т.В. Гамкрелидзе, Ю.С. Степанов, В.П. Нерознак, В.Н. Ярцева, А.С. Мельничук). Сборник состоит из четырех разделов: "Общие исследования по проблемам реконструкции", "Частные вопросы реконструкции", "Перспективы в изучении индоевропейской культуры", "Индоевропейское и неиндоевропейское"¹.

Сборник открывается статьей самого У.Ф. Лемана "Сравнительная лингвистика". В ней подчеркивается, что процесс сравнения (безотносительно к характеру сравнения и сравниваемому материалу) есть одна из фундаментальных процедур лингвистики.

Наиболее плодотворным для науки было и остается межъязыковое сравнение. В настоящее время используются три основных типа данной процедуры, различающиеся подходом к материалу и своей целью: сравнение, ставящее своей задачей установление языкового родства, лежит в основе сравнительно-исторического языкознания; сравнение, устанавливающее общие и различные черты структуры отдельных языков, их соответствие/несоответствие определенному эталону – процедура типологического языкознания; сравнение, диагностирующее общие черты языковых систем, появившиеся в результате контактов, – предмет ареального языкознания². По мнению Лемана, в настоящее время в исторической линг-

вистике отмечаются два главных недостатка: небольшое количество семей, вовлеченных в сравнение, и малое внимание к высшим уровням языка – синтаксису и дискурсу. Следует заметить, что второй недостаток, по крайней мере, для индоевропейской лингвистики, во многом преодолен, – прежде всего классической работой самого Лемана [4], а также в работах [5–7]. Что касается дискурса, то в отдельных языках его черты складывались независимо от родственных языков. Поддающиеся же реконструкции элементы (скажем, индоевропейской поэтической речи) в настоящее время довольно подробно описаны (см. [8], а также статью К. Уоткинса в рецензируемом сборнике). Для исторической лингвистики принципиальное значение имеет типологическая верификация. Так, ларингальная теория надежно подтверждается типологическим сравнением (с семитскими и картвельскими фонологическими системами), а сформулировать глоттальную теорию без типологических данных было бы и вовсе невозможно.

С нашей точки зрения, однако, типологический критерий не абсолютно релевантен. Это относится и к требованию Р.О. Якобсона о необходимости искать подтверждение реконструированным данным в фактах живых языковых систем [9]. Дело в том, что, хотя и компаративистика, и типология используют внешнее сравнение, тем не менее, различие между этими отраслями лингвистики очень велико. Компаративистика – это наука прежде всего о выводимом, а типология – по преимуществу описательная наука. Хотя существует и определенное количество языковых универсалий, и определенные взаимосвязи между различными и разноуровневыми языковыми единицами, сформулировать целостное понятие языкового типа и тем более вывести все характеристики языка на основании ограниченного количества языковых правил не представляется возможным [10]. Кроме

¹ Некоторые работы по материалам этого симпозиума публиковались в "Вопросах языкознания" [1–2].

² В настоящее время можно также разграничивать характерологию и типологию. Первая изучает многие черты в одном или немногих языках, – вторая немногие черты (ограничивающиеся одним уровнем или подуровнем) во многих языках [3].

того, мы располагаем описаниями лишь ничтожного количества языков, когда-либо существовавших на Земле. В известных же нам языках можно найти не только универсальные, но и уникальные черты. Поэтому отсутствие параллели реконструированному факту в зафиксированных языках, на наш взгляд, еще не доказывает ошибки в реконструкции.

К статье У.Ф. Лемана тематически прилегают работы Т.В. Гамкрелидзе и В. Винтера, открывающие второй раздел. Т.В. Гамкрелидзе ("Сравнительный метод и типологические верификации: Индоевропейский материал") излагает хорошо известные типологические посылки "глоттальной теории": слабая представленность в традиционной фонологической реконструкции фонемы **b*, наличие серии звонких придыхательных при отсутствии надежных примеров глухих придыхательных. Для приведения данных реконструкции в соответствии с типологическими предлагается переосмыслить характеристики серий шумных согласных: простая звонкая (I) серия интерпретируется как глухая с глоттальным призвуком, звонкая придыхательная (II) – как звонкая с факультативным придыханием, простая глухая (III) – как глухая с факультативным придыханием. Согласно глоттальной теории, наиболее архаичную систему согласных сохранили не индоиранские, а германские и армянский языки: то, что считалось передвижением согласных, оказывается лишь варьированием древнейшей системы (подробнее см. [11]). Т.В. Гамкрелидзе полемизирует с О. Семереньи, видящим праиндоевропейское **b* в соответствии лат. *lubricus* "скользкий", *libo* "черпать, окроплять" – гот. *diups* "глубокий, погруженный". По мнению Гамкрелидзе, это соответствие охватывает только западные языки. На это можно возразить так: другое известное соответствие – слав. БОЛИИ – др.-инд. *balam* "сила" – греч. βέλτερος "наилучший" – пересекает и эту языковую границу.

Выводы же В. Винтера позволяют несколько иначе описать и праиндоевропейский инвентарь шумных согласных, и его отражение в армянском. Праиндоевропейское **p/*pʰ* (по Гамкрелидзе–Иванову) отражается в армянском как *p, p', h, θ, w*; **t(*tʰ) > t, t', h, y, w*, **k > k', h, y, θ, w, g* (в зависимости от фонетического окружения). Праармянские соответствия **p, *t, *k* трактуются Винтером как фрикативные *f, θ, x*, причем данные репрезентации неустой-

чивы. Эта праармянская серия отличается от индоевропейской третьей серии как в традиционной нотации, так и в записи Гамкрелидзе–Иванова. Армянский консонантизм оказывается вовсе не архаичным. В тохарских языках тоже нет данных, которые бы заставили предпочесть "глоттальную" реконструкцию традиционной. Типологические же данные, привлекаемые для разрешения данной альтернативы, также нуждаются в реинтерпретации. По мнению В. Винтера, подход Р. Якобсона (не может быть маркированной серии при отсутствии немаркированной [9]) явно механистичен, т.к. маркирующим элементом является не отдельный дифференциальный признак, а весь пучок в целом. Поэтому оппозиция: звонкие придыхательные / глухие простые (т.е. незвонкие непридыхательные) вполне естественна. Первая же серия также противостояла немаркированной третьей. Маркирующим элементом могла быть как звонкость, так и глоттальность; последняя встречается значительно реже, поэтому традиционная реконструкция (звонкие простые – глухие простые – звонкие придыхательные) выглядит предпочтительнее. Отсутствие же **b* в праиндоевропейском, по мнению Винтера, не доказано³. Таким образом, факультативное придыхание в III серии, слабо аргументированное Гамкрелидзе и Ивановым, Винтер отвергает; первая же серия, вероятно, должна реконструироваться традиционно.

Две статьи сборника посвящены методологическим проблемам. Г. Хенигсвальд ("Сравнительный метод, внутренняя реконструкция, типология") развивает общую типологию языковых изменений (ср. [12]). Ее основные постулаты сводятся к следующему: а) каждый текст может быть представлен двояко (double articulation): как цепочка фонем и как цепочка морфем (т.е. звуковых или смысловых единиц) и записан в двойной нотации; б) в любой нотации должны быть соблюдены принципы контраста и идентичности: то, что различно воспринимается, должно быть различно записано; идентично воспринимаемое должно быть идентично обозначено; в) говорящий способен порождать все новые высказы-

³ Заметим, что решение, предложенное Гамкрелидзе и Ивановым о факультативном придыхании во второй серии, не снимает всей остроты проблемы, т.к. в известных языковых системах обязательно наличествует именно простое *b*, не маркированное факультативным придыханием.

вания; d) говорящий может быть мультилингвом в том плане, что он владеет различными стилями и жанрами речи, накладывающими свой отпечаток на высказывания. Поэтому, произнося речь, говорящий способен внести в ее звуковую или смысловую сторону те или иные изменения. Звуковые изменения в определенном окружении становятся регулярными (ср. формулу фонетического закона, принадлежащую В.К. Журавлеву [13]). Опираясь на закон Поливанова (каждая дивергенция звуков сопровождается конвергенцией, диктуется ею – и наоборот [14]), автор оперирует понятиями "расщепления" (split) и "слияния" (merger) фонем. Так, исконное *s* в латинском "щепится" на *s* и *r*, поскольку в интервокальном положении оно "сливается": **sisset* "сеет" > *serit*; ср. исконное *serit* "связывает". Изменение фонетического окружения помогает отличить исконную форму от "слившейся": ср. интервокальное *-r-* в *sero* и *gero*, но *ser-tus* и *ges-tus*. Сокращение количества реконструируемых фонем по сравнению с зафиксированным состоянием допустимо тогда и только тогда, когда хотя бы для одной пары соответствий можно подобрать позиционное объяснение. Внешнее же сравнение позволяет выявить следы старых конвергенций в фонемах; так, соответствия санскр. *i* / лат. *i*, санскр. *a* / лат. *a*, санскр. *a* / лат. *e* отражают и.е. **i*, **a*, **e*. Наличие инноваций помогает установить родственные связи языков. Если в языке I и языке II возникла общая инновация, не разделяемая языком III, то в принципе не может быть инноваций, которые бы объединяли I и III, отделяя его от II⁴. Развитие языковой системы посредством звуковых изменений можно представить в виде графов, узлы которого – те или иные состояния языковых (под)систем, а дуги – направление языковых изменений.

Позиционные изменения фонем приводят в конечном итоге к образованию алломорфов. Это вторичное щепление формирует уже не фонетическую, а морфологическую оппозицию (ср. приведенные презенс *gero* и причастие *gestus*). Большую роль в морфологических чередованиях играет морфология: звуковое изменение имеет место, где это нельзя объяснить фонетической позицией. Аналогия может быть двойной: замена морфемы на гетерогенную,

но изофункциональную (др.-англ. *euen* заменилось на *euēs* под влиянием других форм мн.ч. на *-s*); изменение основы под давлением парадигмы (др.-лат. *honos, honoris* "честь" видоизменилось в *honor, honoris*)⁵. Такие аналогические изменения, безусловно, усложняют исследования языковых изменений, так как нарушают стройность корреспондентий.

Однако указанные процедуры не всегда позволяют дать исчерпывающее описание языковой эволюции. Ни фонетические процессы, ни факторы аналогии не объясняют вариаций суффикса *-el-i* в латинском конъюнктиве; только внешнее сравнение позволяет установить здесь совершенно различные морфемы: суффикс конъюнктива *-*e-* и опатива *-*oi-*.

К.Х. Шмидт ("Значение новых данных в реконструкции праязыка") рассматривает два источника обновления наших знаний о реконструированных языковых состояниях: "субстанциальное расширение" и "интерпретативное расширение". Примером первого является открытие хеттского и индоевропейского ларингала, примером второго – "глоттальная теория". Всякая реконструкция должна отвечать следующим требованиям: а) подчиняться регулярным фонетическим и морфологическим законам; б) учитывать действие аналогических процессов; в) отвечать требованиям системности. Образцом "субстанциального расширения" автор считает новые данные, которые можно извлечь из анатолийских текстов и документах на малых кельтских языках. Это – дихотомическая система рода, генитив на *-*os* в тематическом склонении; напротив, отсутствие категории глагольного аспекта, "tempus primitivus" [16] и связанное с его утратой отсутствие аориста и перфекта есть анатолийская инновация. Кархаическим чертам кельтиберских надписей относятся: относительное местоимение *io-*, неизвестное в других кельтских языках, но использующиеся в индо-иранских, греческом, балто-славянских; постпозитивная частица *sue* < **k^ue*, не известная в древнеирландском. Большое значение имеют 4 формы сигматического конъюнктива. Они наглядно демонстрируют развитие индоевропейского футурума из конъюнктива сигматического аориста.

⁴ В действительности же каждый язык имеет эксклюзивные изоглоссы не с одним, а с различными родственными языками, с которыми он вступает в контакт.

⁵ Это положение может служить наглядным подтверждением "двойной принадлежности" слова – по Фортунатову [15].

Примером "интерпретативного расширения" Шмидт считает изыскания Гамкрелидзе и Иванова: ранговую структуру глагольной флексии и множество глагольных энклитик в начале предложения, служащих дополнением к актантной структуре. Частицы и актанты находятся друг с другом в отношении дополнительного распределения (наличие актанта исключает соответствующую энклитику и наоборот) [11, с. 343, 362]. Интерпретативное расширение реконструкции можно предложить и на картвельском материале.

Методологическим проблемам посвящена и статья Я. Пухвела "Филология и этимология, преимущественно в анатолийском". При этимологизировании и компаративном исследовании анатолийского материала нужна особая тщательность, т.к. данный материал по многим причинам весьма неполон. Следовательно, необходимо прежде всего скрупулезное филологическое обследование материала, затем проверка возможности заимствования из соседних языков, и только после этого – собственно сравнительные штудии. Вместе с тем, учет внешнего сравнения и словообразовательных моделей помогает прояснить и значение редких слов. Медиопассивная форма *hallaniattari* интерпретируется как "он разрушается"; дуративный суффикс *-anii-* в хеттском языке засвидетельствован, чистого же глагола *hall-* нет. Но его можно сравнить с греч. ὀλλυμι < *ὀλνυμι "губить", гомер. οὐλόμενος < *ὀλνομενος и восстановить архетип **helna* с назальным суффиксом. На основании глагола *haššiuai* "царствовать" можно восстановить имя *hašši* "царь", обычно замещаемое шумерским *LU.GAL* (нередка форма с комплементом: *LU.GAL-us*). Вообще, комплемент при гетерограмме нередко помогает отнести слово к какой-либо словообразовательной модели и найти для него изоглоссу. Так, имя бога Солнца *OUTU* (KUB XVII, 19.9) дополнено суффиксом *-liia*. Это позволяет сопоставить его с греч. ἥλιος и восстановить праформу **Sa_uelios*. И в хеттской (KUB LV 54), и в греческой (Илиада, 3, 187) традиции солнце используется как важный компонент клятвы.

Я. Пухвел рассматривает также хеттский глагол *hašš-* "рождать". Филологическим проблемам анатолийской лингвистики посвящена также статья К. Джастеса "Вторжение неиндоевропейских языков в Анатолию". В статье специа-

льно рассматривается функционирование хеттского *hurkil* "преступление" с типично хеттским суффиксом *il/el*, соответствующего хетт. *natta ara* (дословно – "не сказанное", ср. типологически лат. *ne-fas*).

Реконструкции морфологии и синтаксиса посвящены статьи Ю.С. Степанова, В.Н. Ярцевой, Дж. Ясанова. Ю.С. Степанов ("Лексические вхождения в главные типы индоевропейского предложения") излагает свою концепцию развития индоевропейского предложения (см. на русском языке [1; 7], ср. [17]). В данной статье рассматривается тип I (неактивный субъект + неактивный глагол), II (активный субъект + активный глагол), их перекрещивание (в предложениях, где субъектом является человек), IV (активный субъект + активный глагол + активный объект), который, по мнению исследователя, моложе других, базируется на расширении значения активных глаголов ("ударять, повреждать" – убивать"), на использовании каузативов в значении первичных глаголов. Особое внимание уделяется дублетным именам (названиям активного и неактивного огня, воды), а также однокоренным глаголам с разной диатезой в литовском.

В статье В.Н. Ярцевой "Синтаксическая типология индоевропейских языков (на материале кельтских, балтийских и славянских языков)" рассматривается формирование инфинитива в трех названных группах. Это процесс отнюдь не праязыковой, он достаточно ясно прослеживается в отдельных языковых группах, использующих совершенно разные форманты; тем показательнее общие и различные черты развития данной категории: в германских языках инфинитив развивался на основе презенса, в балто-славянском, напротив, основа инфинитива противостояла презентной. В кельтских языках сохранилось разнообразие способов образования инфинитивов: наличествуют и бессуффиксальные инфинитивы, большинство же образовано с помощью суффиксов *-ad* (глаголы на *-a*) и *-ud* (глаголы на *-i*). При этом, по мнению исследователей, данные формы – скорее не инфинитивы, а имена действия. Это проявляется, в частности, в том, что древнеирландский инфинитив иногда управляет не аккузативным, а генитивным объектом. В германских языках сохранились склоняемые формы инфинитива (др.-в.-нем. *hairan* род.п. *baranias*, дат.п. *to berennia*). В балтийском и славянском инфинитив прежде всего обозначает бенефицианта, цель и все, что связано с

семантикой датива [18]⁶. Кроме того, в трех названных языковых группах инфинитив слабо связан с залоговой и диатезной оппозицией, что тоже указывает на его происхождение из имени действия. Таким образом, различные языковые семьи сходным образом развили у себя категорию инфинитива, используя разные отглагольные имена.

Дж. Ясанов ("Морфологическая реконструкция: Роль ступени *o* в хеттском и тохарском глагольном словоизменении") предлагает расширить список реконструированных глагольных категорий со ступенью *o*-корня. Помимо перфективов и итеративов-каузативов с суффиксом **-eio*, *-aiol/*-eh-io* данной ступенью вокализма характеризуются некоторые хеттские глаголы на *-hi*: *kanki* "он вешает" – *kankanzi* "они вешают" *šakki* "он знает" – *šekten* "знайте". Хеттское спряжение на *-hi* считается репрезентацией индоевропейского перфекта; по-настоящему же его воспроизводят только данные глаголы, т.к. они характеризуются перфектной ступенью корня. Она же свойственна и тохарскому субъюнктиву I и V класса: I класс – атематический (*ke-wi* "я бы лл" < **ghou-*; *prekam* "я бы просил" < **prok*); V класс – субъюнктив на *-a* (тох. А *wekas* "он бы исчез", *potkam* "я бы разделил", В *pautkam* то же). Третья категория, относящаяся к той же морфологической модели – древнеиндийский пассивный аорист, где на основании закона Бругманна можно восстановить ступень *o*: *apādi* "он упал", *aṣṭāvi* "он был слышен". На основании этих трех категорий автор восстанавливает особую "перфектеподобную" (perfect-like) категорию, характеризовавшуюся ступенью *o* в ед.ч. и *e* – во мн.ч. (с опорой на гипотезу Й. Шиндлера, предположившего существование корневых имен со ступенью *o* в прямых падежах и *e* – в косвенных [20]). Осколки этого класса Ясанов видит в и.-е. **melh-* "молоть", во многих языках репрезентированном как *mol-*: лат. *molo*, лит. *malù*, от. *malan*, хетт. *mallai*, но слав. МЕЛѢ; ср. в этой связи глоссу Гезихия εἵχεται'οἵχεται, репрезентирующую

обе ступени вокализма. Реконструкция Ясанова выявляет связующее звено между древнейшим окситонным неактивным прилагательным [21] и сформировавшимся перфектом со ступенью *o* и без редупликации [22].

Две работы посвящены проблемам дискурса. П. Холпер ("Перспектива дискурса в синтаксической реконструкции: стратегия построения текста в древнегерманском") сопоставляет нарративные древнеанглийские и древнеисландские тексты. Новый эпизод в др.-англ. хронике начинается частицей *þa*, которой иногда предшествует союз *ond*, + глагол; внутри эпизода – иной порядок слов: *ond* (субъект + глагол. Частица *þa* обозначает примерно то же, что англ. *herelthere*; ее можно назвать идентификационно-анафорической. Если внутри эпизода меняется субъект предложения, то *þa* заменяет *ond*. Порядок слов внутри эпизода следующий: SVO, если факт, о котором идет речь, совпадает с общей темой эпизода (например, речь идет о главном герое); SVO, если речь идет о ком-то другом. В рассказе о битве англичан с датчанами англичане описаны порядком VO, датчане – OV. Как древнеанглийские, так и древнеисландские нарративные тексты обычно начинаются с глагола, сразу вводящего в повествование.

К. Уоткинс ("Сопоставление формульных последовательностей") реконструирует на основе гомеровских, пиндаровских и архаических латинских текстов особый тип социальных отношений в индоевропейской общине. Патрон – клиент, гостеприимец – гость, хозяин – поэт суть вариации некоторой оппозиции, члены которой связаны покровительством (левого члена правому) и дружбой (равноправно). Особое внимание уделяется некоторым новым формулам, реконструированным на основе не устойчивых сочетаний, а отдельных имен, представляющих собой древние эпитеты: лат. *terra(*us* "сухой") "сухая земля", вед. *marta* "человек" (**mr̥* "смерть") "смертный человек", др.-ирл. *duine* "человек" (**dhghom-* "земной") "земной человек", греч. ἄλφι "пшеница" (**albh-* "белый") "белая пшеница"⁷.

К сожалению, объем рецензии не позволяет подробно характеризовать осталь-

⁶ До Я. Эндзелина к сходному выводу на ведийском материале пришел Б. Дельбрюк: здесь из 17 форм инфинитива 9 образованы с помощью дативных аффиксов, их семантика по преимуществу целевая или бенефициантная [19]. Только инфинитивы с показателем местного падежа могут обозначать реальное действие.

⁷ Ср. и.-е. **k^uen* "блестеть; белый" (слав. ЦВѢТЬ, СВѢТЬ, др.-инд. *śvitrá* "блестящий", нем. *weiß*, англ. *white*) и название пшеницы: нем. *Weizen*, литов. *kviēlas*.

ные статьи сборника. Три статьи посвящены использованию компаративных методик не на материале древнейших индоевропейских состояний: "Старые и новые соображения о конфигурации романских языков" (Я. Малкиель), "Типология и глубокие генетические связи в Северной Америке" (М. Митун), "Миграция и лингвистика на примере идиша" (Р. Кинг). Большое внимание уделено индоевропейской культуре. В статье Г. Томаса "Археология и сравнительно-историческое языкознание" отмечается, что переход от истории к предыстории индоевропейских народов затруднителен. С уверенностью можно отождествлять язык и культуру, когда известно, что носители языка проживали именно на данной территории и в данное время (так, ранний греческий безошибочно отождествляется с микенской цивилизацией, а хеттский — с культурами среднего и позднего бронзового века в Анатолии). С носителями же индоиранских языков можно безошибочно ассоциировать культуры не раньше 1500 г. до н.э., с германцами, кельтами и италиками — с 1000 г. до н.э., с балто-славянами — с 500 г. до н.э. Автор разделяет мнение Гамкрелидзе и Иванова о переднеазиатской прародине индоевропейцев. Носители восточных индоевропейских языков (греки и индоиранцы) могут быть отождествлены с верхнепалеолитическими культурами Центральной Европы и Юга России: культуры Среднего Стога, Триполья (4430–3945 г. до н.э.), ямная культура (3890–3380 г. до н.э.). Ряд филиаций этих культур получил довольно широкое распространение. Так, дериваты срубной культуры обнаруживаются в Иранском Нагорье, а андроновской — в Центральной Азии. Однако соотношение этих культур с курганной и серо-минийской плохо прослеживается; поэтому вопрос о путях греков на Балканы остается открытым.

Западные индоевропейские народы ассоциируются с культурой боевых топоров, которая имела весьма обширные пространственные и временные границы и породила множество филиаций. Среди них выделяется в позднем мезолите и ранней бронзе культура шнуровой керамики (наиболее ранняя на территории Нидерландов, 3365–2910 г. до н.э.), распространившаяся в начале III тысячелетия до н.э. по всей Северной и Центральной Европе. Носители этой культуры сформировали Баденскую культуру (Чехия и Моравия), культуру конусовидных сосудов, культуру Восточно-Альпийской зоны. Ее более поздние филиации могут уже отождествляться с представителями отдельных

языковых групп: Галлыштадтская культура и продолжающая ее культура Ла Тене ассоциируется с кельтами.

Балтийцы и славяне отождествляются с восточными ответвлениями культуры шнуровой керамики. В степях Украины не без влияния ямной культуры сформировались культуры Среднего и Нижнего Днестра (3375–2910 г. до н.э.). Наиболее восточная филиация культуры шнуровой керамики — Фатьяновская культура на Верхней Волге.

Р. Дибольд в статье "Традиционный взгляд на индоевропейскую палеоэкономику (противоречащие свидетельства археологии и лингвистики)" подчеркивает, что именно индоевропейское языкознание, традиционно связанное с историческими и археологическими дисциплинами, помогает преодолеть постсоциальный структурализм, рассматривавший язык как замкнутую в себе систему. В рамках исторической лингвистики, отождествляющей язык с культурно-историческим таксоном, связь языка с внеязыковой реальностью особенно наглядна. В этой связи Р. Дибольд отмечает, что традиционный взгляд на праиндоевропейцев как на кочевой народ противоречит свидетельствам как археологии, так и лингвистики. В индоевропейском лексиконе сохранилось значительное количество слов, обозначающих культурные растения, пахоту, обработку продуктов земледелия, а также укрепленных поселений (**ara-trom* "плуг", **g^hranom* "зерно", **pl^his, bhr^{gh}om* "город-крепость"). Все это свидетельствует о достаточно развитой земледельческой цивилизации.

Э. Поломэ в статье "Сравнительная лингвистика и реконструкция индоевропейской культуры" отмечает, что трехчленная структура, приписанная индоевропейскому обществу Ж. Дюмезилем (жрецы, воины, земледельцы), требует дополнительных комментариев. Во-первых, имена представителей данных социальных групп и соответствующих им божеств в различных языках несводимы друг к другу. Следовательно, дюмезилевская модель репрезентирует, так сказать, "глубинную" структуру индоевропейского общества. С другой стороны, далеко не все типы общественных организаций укладываются в трехчленную схему. Не меньшую роль играла и бинарная оппозиция, отразившаяся в явном противопоставлении "своих" и "чужих". Ее истоки кроются в структуре индоевропейского племени, напоминающей экзогамные роды-племена многих первобытных народов. Этот бинаризм проявлялся в функциях божеств.

Так, противостояли друг другу **dieus-pater* "бог неба, высшее божество (бог жрецов)" и **perkuno-* "бог грома, невысшее божество (бог воинов)", боги огня и воды. Само сотворение мира мыслилось как соединение начал огня и воды. Такой же бинаризм наблюдался в противопоставлении неба и земли (особенно в древнегреческой и ведической традициях). Здесь, правда, намечается уже и тернаризм: свое наименование получает пространство между небом и землей (ср. вед. *dyaus* "небо", *prthivi* "земля", *rajas* "промежуточное пространство"). Э. Полломэ подчеркивает, что попытка представить индоевропейскую культуру только как набор бинарных оппозиций сильно обедняет ее.

Вопросам контактов с индоевропейскими языками, кроме упомянутой статьи К. Джастеса, посвящены также работы Э. Френсиса "Влияние неиндоевропейских языков на греческий и микенский" и А. Шеберга "Влияние дравидов на индоариев: обзор". В первой статье речь идет о негреческом происхождении различных греческих слов.

Так, *σαῦνῃ* "сеть" происходит из семитского адстрата (об адстратных отношениях свидетельствует и ряд глосс: *ᾠδῶν-διδάσκαλος* "учитель", *ἄωρ-ἄετος* "орел" и т.д.), *-vthos* – из догреческого субстрата (*ῥάκινθος* "род цветка", *ῥάκινθος* "ванна"). Ряд заимствований фиксируется, начиная с микенского (среди прочих автор относит к заимствованиям и мик. *rita* = гомер. *λίτα* "лен", предполагая его происхождение из аккад. *ritu* "род ткани"; в действительности это скорее и.-е. слово, одного корня с греч. *λίον*, лат. *linum*, слав. ЛЬНЬ). Во второй статье влияние дравидов на индоариев прослеживается от ведической эпохи до современной. Заслуживает внимания вывод о дравидийском происхождении частицы прямой речи *iti* и о дравидийском влиянии в употреблении герундиев. В статье В.П. Нерознака "Фригийский" подводится итог многолетним совместным исследованиям И.М. Дьяконова и автора на данную тему [23]. Дж. Кардона в статье "Индийская грамматическая традиция и историческая лингвистика" сопоставляет данные традиционных индийских грамматик и компаративистики.

В целом, сборник свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне развития американской компаративистики, о больших достижениях этой науки и о стоящих перед

ней широких перспективах. Сравнительно-историческое языкознание позволяет заглянуть в прошлое не только языков, но и человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение: лексические вхождения в структурные схемы // ВЯ. 1988. № 1.
2. Шмидт К.Х. Значение новых данных для реконструкции праязыка // ВЯ. 1988. № 4.
3. Родионов В.А. "Цельносистемная типология" vs. "частная типология" // ВЯ. 1989. № 1.
4. Lehmann W.Ph. Proto-Indo European Syntax. Austin, 1974.
5. Friedrich P. Proto-Indo-European Syntax. Hattisburg, 1974.
6. Watkins C. Preliminaries to the reconstruction of Old Irish sentence // Celtica, 1963, V. 6.
7. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
8. Schmitt R. Dichtung und Dichterssprache in indogermanischer Zeit, Wiesbaden, 1964.
9. Якобсон Р.О. Типологические исследования и их значение для сравнительного языкознания // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1962.
10. Серебrenников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
11. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I-II. Тбилиси, 1984.
12. Hoenigswald H. Language change and linguistic Reconstruction. Chicago, 1960.
13. Журавлев В.К. Диахроническая фонология. М., 1986.
14. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
15. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. М., 1956. С. 136-137.
16. Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd. 2. München, 1953. S. 640.
17. Красухин К.Г. Некоторые проблемы реконструкции праиндоевропейского синтаксиса // ВЯ. 1990. № 5.
18. Endzelin J. Lettische Grammatik. Riga, 1922.
19. Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Halle, 1893.
20. Schindler I. L'apophonie des noms racines indo-européens // BSLP, 1972, V. 67.
21. Kurylowicz J. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
22. Bader F. ΕΙΚΩΣ, ΕΟΙΚΩΣ et le parfait redoublé en grec // BSLP, 1968, V. 63.
23. Diakonov I.M., Nerosznak V.P. Phrygian. N.Y., 1985.

К.Г. Красухин